

References

- Gorin M. (1927) Akademicheskii kovcheg [The Academic arc] // *Leningradskaya pravda*. 15 maya. (in Russian).
- Marovskiy V. (1928) Akademicheskii kovcheg — tselekhonek [The Academic arc survived] // *Leningradskaya pravda*. 17 iyunya (in Russian).
- Teslenko F. (1930) Podgotovka nauchnykh kadrov nuzhdaetsya v reshitelnoy perestroyke [The training of researchers needs to be rebuilt] // *Nauchnyy rabotnik* [Scientific worker] № 4. P. 23 (in Russian).
- Shtark B. M. (1929) Yeshche o podgotovke nauchnoy smeny [More about the training of researchers] // *Nauchnyy rabotnik* [Scientific worker] № 3. P. 11–18 (in Russian).
- Pokrovskiy M. N. (1929) O podgotovke nauchnykh rabotnikov [About the training of researchers] // *Nauchnyy rabotnik* [Scientific worker] № 1. P. 16–28 (in Russian).
- Kurepin A. A. (2003) Nauka i vlast v Leningrade 1917–1931 gg. [The science and the power in Leningrad 1917–1931]. SPb.: Nestor (in Russian).
- Osokina Ye. A. (1999) Za fasadom «stalinskogo izobilija»: raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941 [Behind the façade of “Stalin’s abundance”: distribution and market in the supply of the population in the years of industrialization. 1927–1941]. M.: ROSSPEN (in Russian).
- Perchenok F. F. (1995) Tragicheskie sudby: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR. [The tragic fates: repressed scientists of the Academy of Sciences of the USSR]. M. (in Russian)
- Neretina S. S., Ogurtsov A. P. (ed.) (2010) Podvlastnaya nauka: Nauka i sovetskaya vlast [The science under the oppression the Soviet government]. M.: Golos (in Russian)
- Jaroshevskii M.G (ed.) (1991–1994) Repressirovannaya nauka [Repressed science]. V. 1–2. L.: Nauka (in Russian)
- Romanovskij S. I. (1999) Nauka pod gnetom rossiyskoy istorii [The science under the oppression of Russian history]. SPb.: SPbGU (in Russian)
- Robinson M. A. Sudby akademicheskoy elity: Otechestvennoe slavyanovedenie (1917–nachalo 1930-kh godov). M., 2004.

ВОЛОДАРСКАЯ ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

доктор психологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института
истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН,
Москва, Россия;
e-mail: eavolod@gmail.com

РАЗИНА ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА

доктор психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой психологии Филиала ОАНО ВО
«Московский психолого-социальный университет» в г. Ярославле,
Ярославль, Россия;
e-mail: razinat@mail.ru

УДК 001, 316.6

Образ женщины-ученого в изобразительном искусстве СССР как отражение гендерного неравенства в науке

Обсуждаются вопросы гендерного неравенства в науке. Рассматриваются виды косвенной имиджформирующей информации, художественные средства формирования имиджа науки в целом и образа женщины-ученого, в частности. В центре интересов авторов находится традиция живописи эпохи социалистического реализма, отражающая социальные представления об ученом и науке в обществе. На примере картин ряда художников изучаются особенности восприятия и отношения в обществе к ученым женского и мужского пола, выразительные приемы отражения научной деятельности.

Ключевые слова: гендерное неравенство, женщина-ученый, имидж науки, визуальный компонент имиджа, живопись, выразительные средства, советская наука.

Введение

Гендерное неравенство в научной сфере стало предметом самостоятельного анализа. Дискриминация женщин в сфере науки многолика, проявляется на разных этапах научной карьеры женщины: при поступлении на работу в НИИ, аспирантуру, при оценке ее творческого вклада в науку, формировании коллектива соавторов научной публикации и во многих других аспектах [Агамова, Аллахвердян, 2012]. Результаты исследований гендерного неравенства в науке показывают, что женщины-преподаватели в вузе и на кафедре в основном занимаются рутинной методической работой, а мужчины — творческой научной. И профессиональные качества мужчины-преподавателя оцениваются выше по сравнению с профессионализмом женщины-преподавателя [Ефлова, Фурсова, 2007]. Также отмечается, что довольно широко распространены формы материальной дискриминации женщин: у них

меньше зарплаты, они не могут претендовать на зарубежные командировки, техническое оснащение их рабочих мест в целом хуже, чем у мужчин [Винокурова, 2009].

Несмотря на то, что среди преподавателей в вузах сейчас все больше доля женщин, среди кандидатов наук больше мужчин (60,6%), также как и среди докторов наук (77,2%) [Остапенко, 2011; Наука в России, 2009]. Распределение доли мужчин и женщин на разных уровнях научной карьеры в европейских странах показывает, что, если количество студентов обоего пола примерно равно, то среди ассистентов мужчин около 60%, а число профессоров-мужчин достигает 85%, в то время как женщин этого же профессионального статуса — только 15% [Sanchez-Mazas, Casini, 2005].

Неравенство позиций женщин и мужчин проявляется и в оценке научного потенциала ученых. В частности, анализ научной продуктивности женщин-ученых и мужчин-ученых продемонстрировал, что неравенство права мужчин и женщин заниматься наукой имеет исторические корни, в соответствии с которыми занятие наукой — это особая привилегия мужчин, это словно стеклянный потолок, открывающий женщинам перспективы развития, но выстраивающий им невидимые глаза препятствия при движении вперед [Kergoat, 2000]. Согласно последним статистическим исследованиям, в вузах РФ доля женщин последовательно снижается с повышением административной или научной позиции. Женщине (даже если она доктор наук) сложнее создать научную школу, поскольку в качестве научного руководителя аспиранты и докторанты реже выбирают женщин, предпочитая научных руководителей-мужчин [Женщины и мужчины России, 2012].

Подобная ситуация в положении мужчины-ученого и женщины-ученого фиксируется в имидже науки в целом и в особенностях восприятия и оценки исследователей обоих полов. Одной из форм документальной фиксации имиджа является художественное творчество. Цель данного исследования заключалась в изучении отражения имиджа науки в живописи социалистического реализма, а именно образа женщины-ученого и явления гендерного неравенства в научной деятельности. Социалистический реализм как направление в живописи должен был не только объективно отражать реальную жизнь страны, трудящихся, но и формировать определенные установки в отношении будущего, в том числе идеального будущего, указывать направление развития и совершенствования быта и труда. Таким образом, именно социалистический реализм, с одной стороны, дает максимально точное художественное отражение научной деятельности в СССР и, с другой стороны, отражает определенные стереотипы, ожидания, которые формировались в общественном сознании в отношении науки и научных работников. Это делает полотна, выполненные в духе социалистического реализма, хорошим материалом для исследования.

Результаты изучения художественного образа ученого содержатся в ряде исследований. Все работы в данном направлении могут быть очень условно разделены на две группы: первые — исследования имиджа науки, формируемого в обществе посредством профессиональной живописи, кинематографа, литературы. Вторые — исследования, посвященные изучению восприятия науки и ученых людьми разного возраста и профессий, не связанных с профессиональным художественным творчеством.

Первая попытка систематически описать изображение ученого на основе обобщения рисунков американских старшеклассников свидетельствует о том, что ученый — это пожилой или средних лет человек в белом халате, у которого есть очки и борода, производящий экспериментальные исследования в лаборатории, полной

книг (о чем свидетельствуют изображения пробирок, горелок, стеклянных трубок), на лице которого как бы читается: «Эврика! Я нашел!» [Mead, Metraux, 1957]. Исследование особенностей восприятия турецкими школьниками ученого свидетельствует о том, что помимо традиционного имиджа ученого (серьезный пожилой мужчина в белом халате в окружении научного оборудования) появляются имиджевые компоненты, описывающие довольно молодого смеющегося мужчину, одетого в джинсы и футболку, хотя сохраняющего бороду и очки [Türkmen, 2008]. Наличие множественности образов ученого, полученного художественно-выразительными средствами, подтверждается и рядом других авторов [Barman, 1996; Finson, 2002; Harper, 2002; Krause, 1976]. Изучение визуальных стереотипов ученого-химика, их происхождение и развитие в истории искусства и науки позволило констатировать, что имидж химика как представителя конкретной научной дисциплины содержит наименование химических элементов, описание химической посуды и аппаратуры. Причем визуальный образ химической профессии зачастую имеет негативные исторические ассоциации, вместе с тем присутствует героизация, возвеличивание ученого-химика художественными средствами на основе идеалов красоты в живописи [Beardslee, O'Dowd, 1961; Shummer, 2007].

С целью выявления индикативных компонентов имиджа ученого был предложен специальный рисуночный тест, предполагающий анализ особенностей восприятия личности ученого по рисунку респондента [Chambers, 1983]. Результаты рисунков около 5000 респондентов позволили выделить семь основных компонентов визуального ряда, свидетельствующего о принадлежности субъекта к науке. А именно: одежда (как правило, белый халат); очки; борода, усы; символы исследований: научные приборы и лабораторное оборудование любого вида; символы знаний: в основном книги и картотеки; «продукты» науки: формулы, классификации и т. д. Эмпирические данные показали, что художественный образ ученого имеет обобщенный стереотипизированный характер. Важно, что данный психодиагностический метод не предполагает вербальной составляющей, и его можно использовать в разных возрастных группах, вплоть до младших школьников. Причем у значительной части респондентов (35%) наука, ученый вызывали тревожность, дискомфорт, которые выражались в рисовании надписей на двери типа «Не входить», «Закрывать» и т. д.

Исследования, проведенные с помощью данного рисуночного теста, показывают, что женщин-ученых испытуемые во всех исследованных группах изображают крайне редко. В частности, в группе из 4806 детей было сделано лишь 28 рисунков, где изображена женщина-ученый, причем все эти рисунки были сделаны девочками [Chambers, 1983]. В 94,1% случаев изображенный ученый — это мужчина, что говорит о наличии вполне сформированного полоролевого стереотипа и гендерного неравенства исследователей в образе науки [Türkmen, 2008].

Анализ образа женщины-ученого в фильмах показывает динамику содержательного компонента имиджа, что не может не коррелировать с изменениями социальной ситуации функционирования науки, переменах в социальных настроениях. Художественные фильмы «Весна» (1940-е гг.) или «Девять дней одного года» (1960-е гг.) сняты в исторические периоды значительного внимания и государственной поддержки научного сообщества, приоритетности развития науки в нашей стране. В фильме «Весна» одна из героинь Л. Орловой, женщина-ученый, имеет характерную внешность, манеру говорить, одежду, макияж. Этот образ сдержан,

строг, серьезен. Он противопоставлен второму персонажу Л. Орловой — ветреной артистке.

Фильмы являются важным источником выявления образа зарубежной науки [Юркин, 2016]. Фильм «Девять дней одного года» повествует об ученых-физиках. Главную женскую роль сыграла Т. Лаврова. Актриса создает образ умной, не дающей волю эмоциям женщины, хорошего друга, надежного коллеги-товарища. Имидж ученого вызывает уважение, понимание, поддержку. Образ женщины-врача, отображаемый в современном телевизионном сериале «Интерны», совсем иной. Нам представляют женщину взбалмошную, нелепую, нерешительную, неумелую, мысли которой не заняты профессией. Аналогичные образы женщин-ученых и женщин-преподавателей можно увидеть в сериале «Универ». Несмотря на то, что в среднем количество преподавателей-мужчин и женщин примерно равно, женщины в целом представлены на экране как менее успешные в профессии из-за более высокой эмоциональности, неспособности ее контролировать. Подобный сценарный замысел вполне укладывается в современную ситуацию снижения роли науки в обществе. Также большое внимание уделяется карикатуре, героем которой является ученый, причем созданной как самими исследователями, так и профессиональными художниками [Фандо, 2016].

Живопись довольно точно схватывала суть происходящих событий. Соцреализм был призван максимально полно и точно отражать действительность. Хотя, безусловно, момент украшения, ретуширования присутствовал. События и люди на картинах были представлены не только такими, какие они есть, но и так, как хотелось бы, чтобы было.

Все это верно и в отношении отражения в живописи науки и ученых. На полотнах художников середины XX в. в СССР женщина-ученый изображается достаточно часто и, как правило, не теряет черт женственности (длинные волосы, красивая прическа, юбка, позволяющая видеть ноги).

При этом на большинстве изображений женщина занимает подчиненное положение, в то время как центральное отводится ученому-мужчине (например, картины И. Н. Воробьевой «На Щелковском витаминном заводе. Разлив сиропа шиповника» 1961, Ю. В. Гусева «Биохимики» 1959).

И. Н. Воробьева
«На Щелковском витаминном заводе.
Разлив сиропа шиповника», 1961

Ю. В. Гусев «Биохимики», 1959

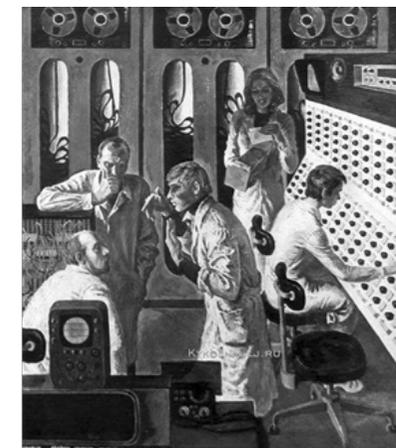
Показательна работа В. И. Рыжих «Поиск», (1976), где женщина (безусловно, красивая и привлекательная), выполняет, по-видимому, роль вспомогательного персонала, в частности, ищет данные в картотеке. В то же время функции мониторинга, контроля отведены мужчине (фигура справа). Также женщина не принимает участия в дискуссии, разгоревшейся в группе мужчин (слева), т. е. не принимает участия в аналитико-дедуктивной работе. Мужчина-ученый выступает на большинстве изображений как руководящий, проверяющий работу, оценивающий ее.

Как показано, например, на полотнах А. Н. Самохвалова («В лаборатории», 1968) и В. Т. Ни («Лаборант завода» 1974), женщины, изображенные на картинах, в основном занимают низшие ступеньки научной иерархии, они — лаборанты. Зрителя в этих картинах привлекает, в первую очередь, приятный внешний облик героини, а не содержание их важной и нужной деятельности. Данный эффект подчеркивается «безмянностью» моделей, а также минимизацией присутствия на подобном рода работах символов научной деятельности. Колбы, бумаги, книги здесь только обозначены и не являются полноправными участниками художественного произведения.

Иногда образ женщины-ученого приобретает откровенно эротические черты, например, как на картине Н. Н. Геденидзе «Тайна скалы. Геологи. Купание».

Н. Н. Геденидзе «Тайна скалы. Геологи. Купание» 1985

В. И. Рыжих «Поиск», 1976

А. Н. Самохвалов
«В лаборатории»
(1968)

В. Т. Ни «Лаборант
завода» (1974)

Таким образом, художник в женщине-ученом видит, в первую очередь, женщину как носителя определенного биологического пола и половых признаков, а лишь потом — как представителя профессии. Все это указывает на гендерное неравенство в науке, закрепленное выразительными средствами.

Женщина также может предстать на картинах как некий обобщенный образ ученого или отрасли науки, как например, на картине В. М. Петрова-Маслакова «Ученые. Заповедное Беломорье» (1930), а также мозаике на фасаде Института биологии КНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар (1985).

Мозаика на фасаде Института биологии КНЦ УрО РАН (г. Сыктывкар), 1985

В. М. Петров-Маслаков
«Ученые. Заповедное Беломорье», 1930

В живописи советского периода ученый, мыслитель ассоциировался прежде всего с мужчиной. Женщина же олицетворяла науку в целом [Мартышина, 2006]. И этим довольно успешно пользовались художники, желая показать, продемонстрировать место и роль науки в СССР, как, например, на картине И. И. Симонова «Цеховая лаборатория» (1927).

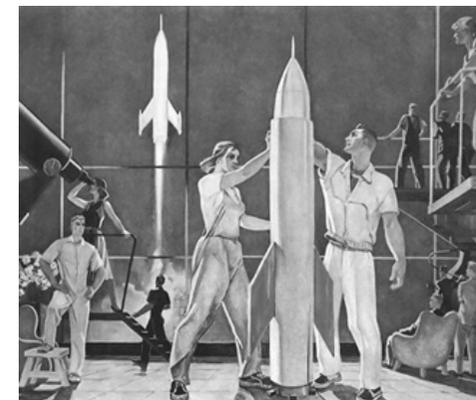

И. И. Симонов «Цеховая лаборатория», 1927

На картине роль исследователя, т. е. науки, играет хрупкая девушка, лица которой не видно. Иными словами, наука обезличена и к тому же еще и безмолвна. Сама девушка и окружающие ее символы научной деятельности (колбы, штативы, емкости с реактивами) написаны светлыми тонами, они полупрозрачны, эфемерны, зыбки, могут рассыпаться в любую минуту. Совершенно иными на картине предстают двое мужчин, олицетворяющие в данном случае пролетариат (производство). Они занимают не только центральное место в картине, но и большую ее площадь. Очевидно, художник таким образом намеревался подчеркнуть приоритет физического труда над умственным, примат пролетариата над интеллигенцией, показать истинных хозяев и «заказчиков» всех научных исследований, которые имеют подчиненное, зависимое положение, имеют более слабые позиции. Так, женщина на данной картине в особенности выглядит слабее мужчин. Мужчины же, напротив, как бы демонстрируют свою силу и даже нарочитую грубость. Фигура мужчины в черной спецовке и свитере находится в опасной близости от колб и реактивов, беззащитно вторгается в область науки, грозя опрокинуть все, что было сделано. Руки второго мужчины несколько увеличены в размерах. Еще Леонардо да Винчи использовал прием намеренного увеличения рук, символически обозначая этим чувственность, брутальность, но в данном случае подразумевается не сексуальный аспект, а скорее аспект доминирования. На лицах мужчин не заметно ни уважения, ни заинтересованности. Они угрюмы и отражают явный скептицизм к тому, что на их глазах делает девушка, вероятно, сомневаясь в силе науки и ее нужности для производства. По-видимому, только крайняя необходимость заставила их прийти в лабораторию и дожидаться результатов.

Аналогичная идея, отражающая место науки в жизни, наблюдается и на панно А. А. Дейнеки «Покорители космоса» (1961).

Молодые люди в центре и на задних планах одеты в основном в рабочие спецовки и комбинезоны, что призвано подчеркнуть их отношение к трудовому народу, к пролетариату, который выходит в космос. Размещая их в центре, увеличивая фигуры, художник показывает, что именно рабочий человек является творцом эпохальных свершений советской страны. Научные работники расположены на данной картине в нижнем правом углу, занимают минимальное место относительно других персонажей (а, соответственно, и минимальную роль в процессе запуска ракеты). При этом научные работники сидят, т. е. занимают более пассивную позицию по отношению к происходящему, чем другие участники картины.

А. А. Дейнека
«Покорители космоса», 1961

В целом для эпохи соцреализма 60–70-х гг. XX в. в изображении науки и ученых характерен переход от изображения отдельных ученых-личностей (жанр портрета), которых очень много в работах выдающихся российских художников конца XIX — начала XX в. (И. Е. Репин, И. Н. Крамской, Н. Н. Ге, М. В. Нестеров, И. Э. Грабарь), к изображениям неких обобщенных, безликих, деперсонифицированных

образов ученых. Картины становятся все более абстрактными, многофигурными и все чаще демонстрируют зрителю не конкретных людей, а образ ученого, образ науки. Безусловно портреты также имеют место, но это, как правило, портреты ученых-мужчин (В. П. Ефанов «Портрет трижды Героя Социалистического Труда академика Игоря Васильевича Курчатова», 1969; П. Д. Корин «Портрет академика Гамалея», 1963).

В. П. Ефанов «Портрет трижды Героя Социалистического Труда академика Игоря Васильевича Курчатова», 1969

П. Д. Корин «Портрет академика Гамалея», 1963

Редким исключением в этом ряду являются портреты конкретных женщин-ученых, в частности, полотно Б. В. Корнеева «Первооткрыватель якутских алмазов Л. А. Попугаева» (1964).

Б. В. Корнеев «Первооткрыватель якутских алмазов Л. А. Попугаева», 1964

Более того, на картинах, демонстрирующих ряд научных отраслей и направлений, присутствуют исключительно мужчины. Как правило, это теоретическая физика (М. А. Канаян «Теоретики», 1957), физика ядра и ее прикладное применение (А. Ф. Бурак «Белоярская АЭС», 1963), информатика (Э. И. Глебова «Вычислительный центр», 1972).

В советской и постсоветской науке в перечисленных научных отраслях до сих пор преобладают ученые-мужчины, и художники, по-видимому, только объективно отражали реальность. Однако такие типично «женские» научные отрасли, как филология, педагогика, психология не нашли отражения на полотнах художников того периода.

Необходимо отметить, что на большинстве рассмотренных здесь картин и на многих других продолжается традиция изображения ученого с атрибутами его деятельности — колбами, микроскопами, бумагами и т.п.

М. А. Канаян «Теоретики», 1957

А. Ф. Бурак «Белоярская АЭС», 1963

Э. И. Глебова «Вычислительный центр», 1972

Внешность ученого (если это не портрет конкретного человека) также достаточно стереотипна, но это уже стереотип нового поколения — ученый в большинстве случаев молод (до 45–50 лет), современен, спортивен, красив; отсутствуют бороды, очки и т.п. Таким образом, социалистический реализм как направление, вероятно, ставил одной из своих задач сформировать образ современного молодого ученого-мужчины, который, однако, в первую очередь отвечает на запросы жизни, производства.

Заключение

Таким образом, советская живопись достаточно полно и точно воссоздает не только фактуальную сторону отечественной науки, но и такие трудноуловимые моменты, как общественное мнение в отношении науки, установки, стереотипы в ее восприятии как лицами далекими от науки, так и самими учеными. Это делает анализ художественных произведений мощным инструментом психологического исследования (хотя, безусловно, не единственным) социально-психологических аспектов бытия науки как в прошедшие эпохи, так и в наши дни.

1. Среди знаковых систем, позволяющих определить принадлежность человека к научному сообществу, могут быть названы, например, такие, как вербальная система — научный язык, которым оперируют ученые и который отличается по своим лексическим конструкциям от быденного языка; визуальная система, характеризующая отличительные особенности оформления внешности ученого; предметная система, фиксирующая результаты деятельности ученых, по которым можно судить о специфике их деятельности (в частности, научные труды — книги, журналы, брошюры), в отличие от других типов печатной продукции, не затрагивающих научные проблемы.

2. Помимо перечисленных форм косвенной имиджформирующей информации значительный интерес представляет собой живопись, в которой отражаются социальные представления о науке, соответствующие определенной эпохе, зафиксированные в определенной системе знаков восприятия, фиксирующих индикативный компонент имиджа науки.

3. Стереотипность образа науки, ученого прослеживается при анализе имиджа, формируемого с помощью опосредованной имиджформирующей информации, с учетом возможностей СМИ, т.е. журналов, рекламы на ТВ, кино, Интернета. Анализ живописных произведений схож, по своей сути и механизмам, с проективными

рисуночными методиками, хотя, безусловно, должен учитывать иные цели и задачи живописи, уровень художественного мастерства художника, степень свободы его творчества.

4. Изобразительно-выразительные средства, в частности живопись, являются важными источниками для объективного анализа как имиджа науки в целом, так и гендерного неравенства в науке, знаковая составляющая которого является отражением исторических социокультурных условий функционирования науки и может служить свидетельством эпохи.

5. Проведенный анализ живописи направления социалистического реализма 50–80 гг. XX в. позволяет сделать вывод о наличии гендерного неравенства в науке того периода, которое заключается в акцентировании половых, а не профессиональных характеристик женщины, низком профессиональном и статусном уровне в научной иерархии, подчиненном положении по сравнению с мужчиной.

Литература

Агамова Н. С., Аллавердян А. Г. Российские женщины в науке и в высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 17–22.

Винокурова Н. А. Женщины в науке и образовании: гендерное равенство, гендерное неравенство // Математика. Компьютер. Образование. Сб. трудов XVI международной конференции в 2 т. / Под ред. Г. Ю. Ризниченко. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2009. Т. 1. С. 299–311.

Ефлова М. Ю. Женщина в образовании и науке // Сборник материалов по итогам научно-практической интернет-конференции «Профессиональная карьера женщин и вызовы времени» 1–31 мая 2007 г. URL: www.ostu.ru/prometea/article/eflova_fursova/eflova_fursova.doc. (дата обращения: 04.02.2011).

Женщины и мужчины России. 2012: Статистический сборник / Под ред. К. Э. Лайкам. М.: Росстат. 2012. 299 с.

Мартишина Н. И. Маскулинное и феминное в науке // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета». 2006. URL: www.omsk.edu (дата обращения 12.09.2016).

Наука России в цифрах. 2011: статистический ежегодник. М.: ЦИСН, 2011. URL: <http://www.csr.ru/statisc/sc2011/61.pdf> (дата обращения: 23.02.2012).

Остапенко А. Б. Статусно-ролевые позиции преподавателей вузов, как проявление гендерной асимметрии профессиональной деятельности: дисс. ... канд. социологических наук. Хабаровск, 2011. 190 с.

Фандо Р. А. Карикатура как историко-научный источник // История науки: источники, памятники, наследие: вторые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники. Материалы научн. конф. Москва, 19–20 октября 2016 / Сост. Е. В. Минина. М.: Янус-К, 2016. С. 54–66.

Юркин И. Н. Фильмы ужасов как источник для реконструкции представлений о науке и ученом в массовом сознании американского зрителя 1930-х гг. (на материале фильмов о Франкенштейне кинокомпании «Юниверсал» // История науки: источники, памятники, наследие: вторые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники. Материалы научн. конф. Москва, 19–20 октября 2016 / Сост. Е. В. Минина. М.: Янус-К, 2016. 388 с. С. 194–201.

Barman S. R. How Do Students Really View Science and Scientists? // Science and Children. 1996. N. 1. P. 30–33.

Beardslee D. C., O'Dowd D. D. The college-student image of the scientist // Science. 1961. № 133. P. 997–1001.

Chambers D. W. Stereotypic Images of the Scientist: The Draw-A-Scientist Test // Science and Education. 1983. 67(2). P. 255–265.

Finson K. D. Drawing a scientist: what we do and do not know after fifty years of drawing // School Science and Mathematics. 2002. № 102. P. 335–346.

Harper D. Talking about pictures: a case for photo elicitation // Visual Studies. 2002. Vol. 17. № 1. P. 13–26.

Kergoat D. Division sexuelle du travail et rapports sociaux de sexe / H. S. Hirata, F. Laborie, H. Le Doare et D. Senotier (Eds.) Dictionnaire critique du feminisme. Paris: Presses Universitaires de France, 2000. P. 35–41.

Krause J. How children “see” scientists // Science and Children. 1976. № 14. P. 9–10.

Lindgren U. Die Artes liberales in Antike und Mittelalter: bildungs- und wissenschaftsgeschichtliche Entwicklungslinien, Institut für Geschichte der Naturwissenschaften. München, 1992, p. 67.

Mead M., Metraux R. The image of the scientist among high school students // Science. 1957. № 126. P. 384–390.

Sanchez-Mazas M., Casini An. Egalite formelle et obstacles informels a l'axention professionnelle: les femmes et l'effet «plafond de verre» // Information sur les Sciences Sociales. 2005. Vol. 44. № 1. P. 141–173.

Shummer J., Spector T. J. The Visual Image of Chemistry // International Journal for Philosophy of Chemistry. 2007. Vol. 13. P. 3–41.

Türkmen H. Turkish Primary Students Perceptions about Scientists and What Factors Affecting the Image of the Scientists // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Educations. 2008. N 4. P 55–61.

The Image of a Female Scientist in the Visual Arts of the USSR as a Reflection of Gender Inequality in Science

ELENA A. VOLODARSKAYA

The Institute for the History of Science and Technology of the RAS,
Moscow, Russia

TATIANA V. RAZINA

The Moscow Psychology and Social University, campus in Yaroslavl,
Yaroslavl, Russia

The paper discusses the issues of gender inequality in science. It considers the types of indirect information for image formation, as well as artistic means of formation of the image of science in general and the image of a female scientist in particular.

There is a tradition of painting in the era of socialist realism, reflecting the social representations about a scientist and science in society in the center of authors' interests. The peculiarities of perception and attitudes in society towards female and male scientists and expressive techniques in reflection of scientific activity are studied on the example of a number of paintings by some artists.

Keywords: gender inequality, female scientist, image of science, the visual image of a component art, expressive means, Soviet science.

References

Agamova N. S., Allakhverdyan A. G. (2000). Rossiyskie zhenshchiny v nauke i v vyschey shkole: istoriko-naychnye i naykovedcheskie aspekty / [Russian women in science and higher education: a historical-scientific and scientific aspects] // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of history of science and technology]. № 1. P. 17–22 (in Russian).

Vinokurova N. A. (2009). Zhenshchiny v nauke i obrazovanii: gendernoe ravenstvo, gendernoe neravenstvo [Women in science and education: gender equality, gender inequality] / Matematika. Kompyuter. Obrazovanie [Mathematics. A computer. Education]. — Proceedings of the XVI International Conference in 2 v. / ed. G. Y. Riznichenko. — Izhevsk: Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika. V. 1. P. 299–311 (in Russian).

Yeflova M. Yu. (2007). Zhenshchina v obrazovanii i nauke [Women in Education and Science] // Sbornik materialov po itogam nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii «Professionalnaya kar'era zhenshchin i vyzovy vremeni» [Collection of materials on the basis of scientific and practical Internet-conference «Professional career women and the challenges of the time»] 1–31 May 2007. URL: www.ostu.ru/prometea/article/eflova_fursova/eflova_fursova.doc. (date accessed 04.02.2011) (in Russian).

Zhenshchiny i muzhchiny Rossii [Women and men of Russia]. 2012: Statisticheskii sbornik [Statistical collection] / Ed. K. E. Laikam. — Moscow: Rosstat. 2012. 299 p. (in Russian).

Martishina N. I. (2006). Maskulinnoe i feminnnoe v nauke [Masculine and feminine in science] // Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta» [Electronic scientific magazine «Bulletin of Omsk state pedagogical University»]. URL: www.omsk.edu (date accessed 12.09.2016) (in Russian).

Nauka Rossii v tsifrakh. 2011: statisticheskii ezhegodnik [Science of Russia in Figures. 2011: The Statistical Yearbook]. — Moscow: CSRS, 2011. URL: http://www.csrs.ru/statis/sc2011/61.pdf (date accessed 23.02.2012) (in Russian).

Ostapenko A. B. (2011). Statusno-rol'evye pozitsii prepodavateley vuzov kak proyavlenie gendernoiy asimetrii professionalnoi deyatelnosti: [Status and roles of university teachers, as a manifestation of gender asymmetry of professional activity]: diss... kand. sotsiologicheskikh nauk. [diss. ... PhD. sociological sciences]. — Khabarovsk. 190 p. (in Russian).

Fando R. A. (2016). Karikatura kak istoriko-nauchnyy istochnik [Caricature as a historical and scientific source] // Istorika nauki: istochniki, pamyatniki, nasledie: vtoroye chtenia po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki [History of science: Sources, monuments, heritage: second readings on historiography and source study of history of science and technology]. — Materialy nauchn. konf. Moskva, 19–20 oktyabrya 2016 / Sost. Ye. V. Minina. M.: Yanus-K, 2016. S. 54–66.

Yurkin I. N. (2016). Filmy uzhasov kak istochnik dlya rekonstruktsii predstavleniy o nauke i uchenom v massovom soznanii amerikanskogo zritelya 1930 gg. (na materiale fil'mov o Frankenshteyne kinokompanii «Universal») [Horror movies as a source for the reconstruction of the concepts of mass consciousness of science and scientists American audience 1930s. (Based on the Frankenstein film company “Universal” film)] // Istorika nauki: istochniki, pamyatniki, nasledie: vtoroye chtenia po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki [History of science: Sources, monuments, heritage: second readings on historiography and source study of history of science and technology]. — Materials of the scientific. conf. Moscow, 19–20 October 2016 / Comp. Ye. V. Minina. — M.: Janus K. P. 194–201 (in Russian).

Barman S. R. (1996). How Do Students Really View Science and Scientists? // *Science and Children*. № 1. P. 30–33.

Beardslee D. C., O'Dowd D.D. (1961). The college-student image of the scientist // *Science*. № 133. P. 997–1001.

Chambers D. W. (1983). Stereotypic Images of the Scientist: The Draw-A-Scientist Test // *Science and Education*. 67(2). P. 255–265.

Finson K. D. (2002). Drawing a scientist: what we do and do not know after fifty years of drawing // *School Science and Mathematics*. № 102. P. 335–346.

Harper D. (2002). Talking about pictures: a case for photo elicitation // *Visual Studies*. Vol. 17. № 1. P. 13–26.

Kergoat D. (2000). Division sexuelle du travail et rapports sociaux de sexe / H. S. Hirata, F. Laborie, H. Le Doare et D. Senotier (Eds.) Dictionnaire critique du feminisme. — Paris: Presses Universitaires de France. P. 35–41.

Krause J. (1976). How children “see” scientists // *Science and Children*. № 14. P. 9–10.

Lindgren U. (1992). Die Artes liberales in Antike und Mittelalter: bildungs- und wissenschaftsgeschichtliche Entwicklungslinien, Institut für Geschichte der Naturwissenschaften. — München. P. 67.

Mead M., Metraux R. (1957). The image of the scientist among high school students // *Science*. № 126. P. 384–390.

Sanchez-Mazas M., Casini An. (2005). Egalite formelle et obstacles informels a l'axention professionnelle: les femmes et l'effet «plafond de verre» // *Information sur les Sciences Sociales*. Vol. 44. № 1. P. 141–173.

Shummer J., Spector T. J. (2007). The Visual Image of Chemistry // *International Journal for Philosophy of Chemistry*. Vol. 13. P. 3–41.

Türkmen H. (2008). Turkish Primary Students Perceptions about Scientists and What Factors Affecting the Image of the Scientists // *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Educations*. № 4. P. 55–61.